

АЛЕКСАНДР КУЛАНОВ

ЗОРГЕ И ДРУГИЕ

ЯПОНСКИЕ ТАЙНЫ АРХИВНЫХ ДЕЛ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2025

*После меня —
Что останется в мире?
Вишни — весной,
Летом — песня кукушки,
Осенью — красные клёны...*

Рёкан

(перевод Александра Долина)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят, древнегреческий философ Гераклит утверждал, что в одну реку нельзя войти дважды. Он, конечно, был прав в том смысле, что нельзя два раза войти в одну и ту же воду — раз уж это река, то вода в ней течёт и сменяет сама себя. Но помимо ускользающих струй у каждой реки есть русло, берега, название. И то, и другое, и третье тоже могут изменяться, но всё-таки скорость подобных перемен не так уж высока — на протяжении жизни одного поколения этого обычно не происходит (конечно, если этому поколению повезло). Историкам сложнее. Им приходится входить в реку времени беспрестанно — такая работа. Для них эта река течёт в архивных берегах. Бродя по ним в поисках улова редких фактов, неизвестных сведений, преследуя фантастическую рыбу истины, историк вновь и вновь вынужден погружаться в толщу архивных вод, копать в иле недостоверных сведений, стараться не захлебнуться в волнах документов, которые течение времени то и дело выносит ему навстречу. Приходится возвращаться на берег, размышлять над уловом снова и снова... Поэтому неудивительно, что автор этой книги однажды решил вернуться к теме, закрытой им, как ему самому тогда казалось, десятилетием ранее.

В 2014 году вышла моя книга под названием «В тени Восходящего солнца». В ней рассказывалось о почти забытых на тот момент российских японоведах, жизнь которых, по их ли собственному решению, по прихоти ли судьбы — у каждого по-разному, — оказалась связана со спецслужбами. Все мои герои жили в первой половине XX века. Это было время не только востоковедческих открытий, но порой и полного закрытия изучаемых стран от отечественных исследователей, да и самих учёных к середине века осталось совсем немного. В той книге я предпри-

нял попытку воссоздать биографические портреты девяти канувших в Лету героев своего времени: Василия Ощепкова, Трофима Юркевича, Владимира Плешакова, Исидора Незнайко, Василия Крылова, Николая Мацокина, Романа Кима, Игоря Ковальчука-Ковалья, Валерия Щёголева. Все они были очень разными и жизни прожили совсем непохожие. Из них только «секретный связист» Исидор Яковлевич Незнайко, советский контрразведчик Роман Николаевич Ким, приговорённый в 1940 году к двадцати годам заключения, да бывший сотрудник японской разведывательной школы Игорь Константинович Ковальчук-Коваль, получивший в 1945-м тоже 20 лет, а потом арестованный ещё раз, смогли умереть своей смертью. Чекист-садист Щёголев отравился. Остальные не пережили страшных 1937—1938 годов. Мутный, бессмысленный и беспощадный поток репрессий раздавил их. Смысл, казалось, навсегда, стёр даже упоминания о многих из них.

Однако книга эту память воскресила. Более того, у некоторых из героев нашлись родственники и потомки. Кто-то вообще не знал о судьбе своих предков. Кто-то был знаком с ней лишь частично. Кто-то, наоборот, нашёл меня, чтобы помочь, дополнив имевшиеся сведения своими рассказами и документами. Мне захотелось рассказать о некоторых из персонажей той книги как можно больше. Вскоре в старейшей русской книжной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» отдельными томами вышли биографии Романа Николаевича Кима и Василия Сергеевича Ощепкова.

Постепенно стали накапливаться материалы и об их современниках, коллегах, друзьях, оставшихся на периферии повествования. Случайным, в общем, образом развитие получила тема противоборства советских и японских спецслужб. Все герои — и старые, и новые — оказались с ними связаны. Тем более что вслед за книгой «В тени Восходящего солнца» появился своеобразный «путеводитель» под названием «Шпионский Токио». Действующих лиц, проплывавших передо мной в лодке истории, становилось всё больше. Отметки мест явок и тайников запестрели на картах не только Токио, но и почти всей Японии, а один из персонажей «Шпионского Токио», Рихард Зорге, со временем тоже получил свой том в серии «Жизнь замечательных людей». Из архивного полумрака, как сквозь плотную листву деревьев, проступали всё новые и новые силуэты. Кубами выступали очертания организаций (в первой упомянутой

книге таковые тоже имелись — Токийская православная духовная семинария и школа дзюдо Кодокан). Появились и совсем новые лица, способные, как мне кажется, помочь по-новому взглянуть на Японию, японский характер, историю отношений наших стран. И да — все они, как и предыдущие, оказывались так или иначе связаны со спецслужбами. Такая уж у нас история.

Снова и снова я перелистывал жёлтые страницы архивных дел, перекладывал маленькие фотокарточки этих новых героев. Разбирал напечатанные без пробелов тексты, карандашные метки на полях, определяющие, кому жить, а кому — нет. Старался не касаться руками бурых пятен на ломких листах протоколов допросов. И я сразу обязан поблагодарить сотрудников Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ РФ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), немедленно откликнувшихся на мои просьбы и по мере сил помогавших мне в поисках нужных документов. Без них этой книги просто не было бы.

Но архивы — это ещё и те стопки бумаг, папки, коробки, сложенные в старые пыльные чемоданы и «дипломаты» (кто сейчас ещё помнит, что это такое?) и убранные на антресоли в квартирах потомков наших героев. И если сотрудники — архивов государственных, ведомственных, муниципальных — обязаны заниматься хранением человеческой памяти по долгу службы, то те, кто сохранил письменное наследие своих предков (часто — не прямых), достойны благодарности ещё большей. Особенную же признательность я выражаю Ирине Анатольевне Ефимовой — родственнице крупного японоведа Мариам Самойловны Цын, не только сохранившей её наследие, но и щедро им со мной поделившейся.

«Сокрытые в листве»* этих архивных дел тайны, так или иначе связанные с Японией, и позволили мне подготовить эту книгу, которая, надеюсь, окажется для кого-то одновременно интересной и полезной.

Стараниями башкирского краеведа Владимира Георгиевича Зарубина и внучки Степана Федотовича Зарубина Елены Владимировны Алексеевой восстановлены многие пробелы в биографии блестящего переводчика Степана Зарубина.

* Здесь аллюзия на знаменитый самурайский трактат «Хагакурэ» («Сокрытое в листве»).

Но довольно лишних слов. Пора, пожалуй, перечислить, кто и что ждёт читателя на её страницах:

Александр Алексеевич Вановский — один из девяти участников I съезда РСДРП в Минске, один из создателей партии, впоследствии доросшей до памятной всем КПСС, и проживший большую часть своей непростой жизни в Японии.

Георгий Васильевич Чичерин — второй (по хронологии) народный комиссар иностранных дел РСФСР и первый — СССР. В Японии не жил и даже не бывал, но оставил ценнейшие, до сих пор мало кому известные и, к нашему несчастью, по сей день неостребованные записки о том, как можно разумно сосуществовать с нашим дальневосточным соседом. В них он много размышлял о том, насколько в этом могут быть полезны (чаще, впрочем, наоборот) спецслужбы.

Иван Михайлович Майский — старый партиец и новый — советский дипломат. Человек, в Японию, как и в большевизм, попавший случайно, Японию не любивший, но умевший, подобно многим специалистам дореволюционной закалки, учиться. Майский в Японии разобрался, понял её, внёс огромный вклад в укрепление советско-японских отношений и оставил небольшое, но очень ценное аналитико-эпистолярное наследие, посвящённое особенностям работы в этой стране. Наследие настолько важное и неизвестное, что, найдя его в архиве, никак нельзя было оставить его пылиться там же.

Катаяма Тиёко — дочь основателя Компартии Японии «товарища Сэна Катаямы», драматическим образом попавшая в СССР и окончившая здесь свои дни совсем не так, как хотелось её родителям и ей самой. История расследования финала её жизни, проведённого с помощью архива медицинского, — документальный детектив, не последний в этой книге.

Степан Федотович Зарубин — выдающийся переводчик-синхронист, автор одного из лучших словарей русско-японского языка, неудавшийся агент советской разведки. Он удивительным образом не погиб в огне репрессий, но после освобождения из-под ареста внутренне изменился до неузнаваемости. Как? Почему? Мог рассказать только он, но, как и большинство его современников, воздержался от этого, а потому приходится восстанавливать его портрет по осколкам архивных «фресок» — документов.

Трое немцев, из которых имя только одного хорошо известно старшему поколению наших соотечественников —

Рихард Зорге, Ойген Отт и Фридрих Хак. Они из партера наблюдали, а отчасти и играли свои роли в важнейшем акте пьесы под названием «Интербеллум»*. У каждого был свой текст и своя доля импровизации. Каждый выполнял чужой приказ, но следовал при этом своим интересам и интересам своей родины, не зная, какое продолжение уготовила им судьба. Благодарю профессора Василия Элинарховича Молодякова за помощь в подготовке этого материала.

Владимир Михайлович Константинов — разведчик и японцевед, проживший не самую долгую, но удивительную, как многосерийный «сон», жизнь. И, как обычно для той эпохи, значительную часть этого «сна» составлял кошмар реальности, от которого не всем посчастливилось очнуться. Ему повезло: он успел уйти после того, как рассказал о своих и чужих «снах». Чужие обсуждать не станем, а вот в его «снах», как часто бывает, многое оказалось не связанным с реальностью, многое непонятно, многое перепутано. Не могу не отдать должное Римме Александровне Столяровой, сподвигшей меня на более тщательный сбор материалов об этом человеке и поделившейся уникальными фотографиями из семейного архива.

Окада Ёсико — японская актриса, прожившая десятилетия в Советском Союзе. Через снега Сахалина, пытки и тюрьмы её привело туда драматическое сочетание любви и незнания. В результате она потеряла себя, возлюбленного, родину, хотя и обрела позднюю, посмертную славу. Прожила долгую, но не совсем свою жизнь, а ту — свою, украденную — ей так и не удалось вернуть.

В главе, посвящённой организации — *Научно-исследовательскому институту № 9 Императорской армии*, нет главного героя. В этом японском НИИ вообще с героями было не очень, да и слово «человек» там не звучало гордо, а означало единицу живой силы противника, которую надо было сделать единицей мёртвой — самыми невероятными способами. Оставшиеся в мрачайшей тени своих печально известных коллег из отрядов 731 и 100, военные инженеры из НИИ № 9 верили в торжество божества разума, не замечая в этом никакого противоречия — как, впрочем, и в своей деятельности по уничтожению всего живого ради процветания Японии. Попасть в музей НИИ № 9 нам удалось благодаря бескорыстной помощи давнего друга нашей страны Ёсида Синго, за что я ему также очень благодарен.

* Межвоенный период (от *лат.* inter — между и bellum — война).

Сергея Григорьевича Елисеева — уникального учёного-японоведа — всё чаще называют «спасителем Киото». Насколько справедливо награждение его этим титулом? Попробуем разобраться с очередным бомбическим детективным сюжетом, а заодно познакомимся поближе с человеком, которого мы потеряли.

И снова от истории людей к людям в истории. *18-е мгновение весны* — широко известная среди западных исследователей и почти не освещавшаяся у нас история о том, как в Берне, после того как «Штирлиц вернулся в Берлин», японские разведчики постучали в двери номера Аллена Даллеса, но так и не смогли сказать, чего они хотели.

Кузьма Николаевич Деревянко — «человек и остров». Загадочная биография спецназовца, военачальника, япониста по образованию, чем дальше, тем больше обрастает мифами. К сожалению, порой довольно агрессивными. Почему человека, которого выбрали для того, чтобы поставить последнюю точку во Второй мировой войне, почти не знали? На этот вопрос не смог бы ответить и он сам. Каждый имеет право на свою версию причины такого решения, но попробуем обойтись без необоснованных домыслов.

Анастас Иванович Микоян — член советского политбюро. Однажды, ещё в годы войны, он едва не стал жертвой покушения — террорист спутал его автомобиль с машиной Сталина. Пришла пора рассказать, как в Токио он, став первым (по статусу, а не по хронологии) заместителем председателя правительства СССР, дважды чуть не лишился жизни, и на этот раз никакой путаницы не было.

Онода Хиро стал легендой ещё при жизни. Японский спецназовец партизанил в горных джунглях филиппинского острова Лубанг почти 30 лет, отказываясь поверить в то, что война уже кончилась. Его превращение из паренька, целиком отдававшегося спорту и танцам, в фанатика, его поведение, которое ни в коем случае нельзя считать показательным для японских солдат, хорошо иллюстрируют японскую психологию в целом.

Юлиан Семёнович Семёнов — прославленный «отец Штирлица» — сотворил своего супергероя СССР настолько убедительно, что простые граждане были уверены: автор был полковником КГБ, а некоторые представители КГБ всерьёз рассматривали его книги как неизвестные им самим свидетельства о тайных операциях спецслужб. Мало кто знает, что значительную часть весны 1969 года Юлиан Семёнов провёл в Японии, о чём оставил интереснейшие

воспоминания. Работая там под прикрытием журналиста, он преследовал тайную — писательскую цель: уточнял детали переговоров Даллеса с Вольфом, для чего ему понадобилось найти в Токио участника того процесса — бывшего первого резидента ЦРУ США в Японии Пола Блюма.

Юрий Хангереевич Тотров — сотрудник советской резидентуры КГБ СССР в Токио. В 1969 году он стал тем самым человеком, который свёл Юлиана Семёнова с Полом Блюмом и который рассказал автору этой книги ещё одну увлекательную историю, и наконец настало время её опубликовать.

А теперь к этому списку непосредственных героев книги необходимо добавить ещё одно имя. Чекист, писатель, японовед, первый иностранный исследователь ниндзюцу *Роман Николаевич Ким* сыграл здесь роль куромаку. В спектаклях японского театра кабуки так называли работников сцены, задвигавших или раздвигавших занавес, помогавших актёрам прямо на сцене переодеться, менявших декорации и выполнявших массу других функций. Всё — на глазах у зрителей. А чтобы куромаку не были особенно заметны, они одевались во всё чёрное, отсюда и название: «куромаку» буквально — «чёрный занавес», смысловое — «серый кардинал». О Романа Киме написано уже много, и в этой книге он упоминается лишь мимоходом, но... почти в каждой главе. Роман Николаевич участвовал в попытке претворения в жизнь рекомендаций Георгия Чичерина, знал Катаяма и Зарубина. Он был одним из немногих посвящённых в тайну Рихарда Зорге, когда о «Рамзае» ещё не разрешали говорить. Ким стал учителем и другом Владимира Константинова и одним из тех, кто фактически спас жизнь арестованной его коллегами Окада Ёсико. Он писал о японских секретных институтах и о Сергее Елисееве — своем коллеге и *alter ego*, обучавшем американских разведчиков. Роман Ким стал одним из вдохновителей Юлиана Семёнова, включившего старого чекиста в свой первый роман о Штирлице под фамилией Чен. Он был легендарным разведчиком для начинающего офицера КГБ Юрия Тотрова. Словом, Ким был почти везде и почти всегда. Как его любимые синоби-ниндзя, он умудрился почти не выходить из тени, как будто следуя фразе одного из героев его собственной повести: «Никогда барды и менестрели не будут слагать од о нас, и ни один пес не будет знать

о деяниях наших. Таков наш удел. Во мраке творим дела и во мраке растворимся как призраки». Так можно сказать и о многих других героях этой книги.

В заключение неспешного предисловия обычное пояснение: японские имена не склоняются и приводятся так, как это принято в Японии и на всем зарубежном Дальнем Востоке: сначала фамилия, потом — имя. Окада — фамилия, Ёсико — имя в так называемой поливановской транслитерации.

Как обычно, искренне благодарю всех, кто помогал мне в сборе материалов для этой книги и особенно — моего многолетнего неизменного и незаменимого помощника Марию Николаевну Бересневу.

Глава первая
**АЛЕКСАНДР ВАНОВСКИЙ.
ЯПОНСКИЙ ДРУГ ЛЕНИНА**

*Весеннее небо над Токио,
И вишни давно зацвели,
А люди, такие жестокие,
Дерутся где-то вдали.*

Мария Моравская. 1917 год

*Я в Токио еду, домой еду,
И радостно мне не без повода!
Я бросаюсь в дремлющий город,
В сонную тишь вокзала, —
С Лениным вместе, с Лениным
вместе!*

Усами Наоки*

В токийском магазине русской книги «Наука» я увидел незнакомое мне издание. Яркий оранжевый переплёт с белым корешком. Сакраментальное название: «Куда ушла моя жизнь?». Взял в руки, пролистнул страницы. В фототетради взгляд случайно зацепил знакомые имя и название: «Примерно 1905 год. На крыльце дома Владимира Ивановича Яковенко в Мещерском». Фамилия мне хорошо знакомая — психиатр Яковенко был одним из основоположников так называемой социальной психиатрии в нашей стране. Его именем названа та самая больница в Мещерском, которую он возглавил сразу после открытия, где был главным врачом, где подружился с Чеховым. Тот жил неподалёку, в Мелихове, и ставил в лечебнице свои пьесы — доктора дружили. В этих же местах прошло моё детство, я помню бюст Яковенко на территории больницы, помню удивительную для лечебницы архитектуру с египетскими мотивами, но вот книги этой я не знал. Купил и — открыл для себя новую страницу... истории русской эмиграции в Японии. А когда познакомился с дочерью автора, то с её помощью сумел прочесть и многое, написанное в этой истории между строк.

* Перевод Анатолия Мамонова.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Глава первая.</i> Александр Вановский. Японский друг	
Ленина	14
Неопубликованное интервью	15
«Давай, до свиданья!»	18
Шекспир и вулканы	23
«Затруднение для ликвидации»	25
«Наш корреспондент сообщает...»	30
<i>Глава вторая.</i> Георгий Чичерин — мягкая сила против	
«ленинской» пропаганды	33
Дипломат со «слабостями»	34
Разворот на Восток	37
Дерзновения «Ленина»	38
Поддержать, оживить и расширить	42
«Мягкая сила», которой не было, но... она была	49
<i>Глава третья.</i> Майский. Ответ Херну	53
Майский	54
Вопрос	56
Херн	57
Ответ	59
P. S.	70
<i>Глава четвёртая.</i> Дочь Катаяма. Стихи на костях	71
Чёрным по белому	71
Борец за дело коммунизма	73
История болезни	76
<i>Глава пятая.</i> Степан Зарубин. Жизнь с пальцами за	
спиной	81
Башкирский партизан	81
В Японии	84
«Отсутствие»	88
<i>Глава шестая.</i> Отт, Хак, Зорге. За кулисами	
Антикоминтерновского пакта	92
Полковник Отт	92
«Агент Хак»	97
Японское кино	101
Подведение итогов	110
	301

<i>Глава седьмая. «Сны» Владимира Константинова</i>	114
Почти Штирлиц	114
Лефортовский кошмар	122
Кошмар лагерный	134
Держать нельзя освободить	138
«Сны о России»	146
<i>Глава восьмая. Окада Ёсико. Штрихи к портретам</i>	156
Актриса	156
Беглянка	160
Шпионка?	161
«Какое-то существо»	170
<i>Глава девятая. Лаборатория Ноборито. Фантастика</i>	
животного уровня	178
Первые опыты	179
Институт смерти	185
На большом воздушном шаре	189
Ядовитый след	194
<i>Глава десятая. Сергей Елисеев — спаситель Киото?</i>	197
Купеческий сын	198
Американский француз	200
Несожжённый город	202
<i>Глава одиннадцатая. 18-е мгновение весны</i>	207
Схема «Кроссворда»	208
Японский подход	210
Империи нанесут смертельный удар	213
Новое качество	221
<i>Глава двенадцатая. Железный генерал Деревянко</i>	226
Сильный разведчик	226
Две с половиной войны	230
Выбор	235
Бомба	238
<i>Глава тринадцатая. Микоян, дважды спасённый</i>	243
<i>Глава четырнадцатая. Онода Хиро — «комар»</i>	
из Фугамата	251
Танцы, кэндо, сигареты	252
Курс молодого «комара»	255
Выход дракона	259
Пробуждение	264

<i>Глава пятнадцатая. Шпионский Токио Юлиана Семёнова</i>	268
«Агент 001»	268
Стоптаные башмаки	270
Человек с голубыми глазами	273
<i>Глава шестнадцатая. «Неистовый Тотров», или «Вторжение» в ЦРУ</i>	278
<i>Вместо послесловия</i>	283
Примечания	284
Литература	295

Куланов А. Е.
К90 Зорге и другие: Японские тайны архивных дел /
Александр Куланов. — М.: Молодая гвардия, 2025. —
303[1] с.: ил.

ISBN 978-5-235-05241-3

Это книга о Японии, о людях и о тайнах, которые этих людей окружали. Это рассказ о малоизвестных прежде деталях биографий разведчиков Рихарда Зорге и Юрия Тотрова, дипломатов Георгия Чичерина и Ивана Майского, актрисы Окада Ёсико и спецназовца Онода Хиро, японистов Степана Зарубина и Владимира Константинова... История доселе неизвестного нам секретного института, разработывавшего японское «чудо-оружие», и «18-го мгновения весны», которое теоретически могло спасти Хиросиму и Нагасаки, загадки покушений на Анастаса Микояна в Токио и другие рассекреченные тайны, сошедшие с пожелтевших страниц архивных дел, газет, отчётов, мемуаров.

УДК 94:355.34(47:520)

ББК 63.3(2+5Япо)6-36

знак информационной
продукции

16+

Куланов Александр Евгеньевич
ЗОРГЕ И ДРУГИЕ:
ЯПОНСКИЕ ТАЙНЫ АРХИВНЫХ ДЕЛ

Редактор **Е. С. Писарева**
Художественный редактор **Н. С. Штефан**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **И. В. Абрамова**

Сдано в набор 13.01.2025. Подписано в печать 17.02.2025. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
15,96+0,84 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещ. XIX ком. 321
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-235-05241-3